

А.Ш. Махмадназарова

МОСКВА В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

В данной статье дается понимание жизни и творчества Марины Цветаевой через ее стихи. Конкретно взято отношение поэта с Москвой, которая была для нее больше, чем Родина.

Марина Цветаева вошла в русскую литературу как поэт, в творчестве которой преобладало восприятие жизни через «вечные категории добра, любви, всечеловеческой справедливости. Именно с позиций «высоких истин» можно рассматривать поэзию Цветаевой. И вместе с поэтом подняться по своеобразной лестнице – восхождению к духовному идеалу, к нравственной вершине, подобной льдяно-чистому венцу горы. Восхождение к идеалу (к высоте или горе) требует от человека беспощадного уничтожения всех пут, связывающих его с земной тяжестью и, поднимаясь по лестнице очищения, на каждой из ступеней человек должен

сбросить с себя грешно-земную кладь. Итак, все выше и выше. Гора крута, лазорь высока, с каждой ступеньки кладь-вниз!

Милый, растрать!
С кладью не примут!
Дабы принять-
Надо отринуть!

Милый, не льни:
Ибо не нужно:
Ибо ни лжи,
Ибо ни мужа
Здесь, ни жены...

И не каждому подняться по цветаевской лестнице в небо: если он весь из кладя, весь земной, не для его души небесное испытание и не для него лазорь.

Эту лестницу очищения Марина Цветаева строила всю жизнь, запираясь в своей маленькой комнатке, годами живя без людей, в своем огромном мире. Отсюда было ее одиночество, о котором часто писала Анастасия Цветаева в своих воспоминаниях.

И одной из ее высот, ее «Горой», к которой нужно было подняться была Москва. Она занимала центральное место в творчестве Цветаевой. Сначала была Москва, родившаяся под пером юного, затем молодого поэта: подруга, спутница ребенка с его маленькими и такими важными радостями и реже – печалью. Во главе всего царил отчий «волшебный» долг в Трехпрудном переулке, похожем на городскую усадьбу фамусовских времен. Этот дом как никакой больше, она любила словно родное существо. Любила за то, что он в годы ее детства и юности был в полном смысле слова родным гнездом, надежно и безопасно спрятанным в неподвижной каменной листве огромного, как дремучий лес, города:

Высыхали в небе изумрудном
Капли звезд и пели петухи,
Это было в доме старом, доме чудном
Чудный дом, наш дивный дом в трехпрудном,
Превратившийся теперь в стихи.

Были Тверская – «колыбель юности» и Тверской бульвар – магическая верста, что вела к памятнику Пушкину. Архитектурная хронология в Москве была путанная – рядом с каким-нибудь архитектурным вельможей екатеринских времен стояли палаты Ивана Грозного и тут же александровский амбир, а вблизи мещанские слободки – и – модерн. Когда Цветаева по какому-то поводу заметила, что ее поэзия как бы не знает хронологии, что ее развитие, скорее, «древесное и речное», она, возможно взглянула из своего парижского далека на незабытые московские корни, которые обрубить нельзя никакой эмиграцией, потому что они – в душе.

Была еще тоска отрочества в «казенных домах»: интернате, куда Марина Цветаева поступила, будучи не в силах жить в осиротевшем после смерти матери доме; неизбывная скука ежегодно менявшихся гимназий. Но такой лик Москвы она не оставила нам ни в стихах, ни в прозе... Из строки в строку Цветаева не устает говорить о жизненности города, спасительной всеобещающей. Дом в Трехпрудном переулке, Тверской бульвар, памятник Пушкина, купола облекаются в ее стихах высоким правом говорить от имени самой жизни, наставлять нас на путь истины, добра.

Девочка вырастала, и по мере взросления «роман» поэта с городом приобретал все более лирические тона. В характер Цветаевой Москва вошла сполна – она в нем отпечаталась подобно родительским генам. Город в творчестве Цветаевой не изображается, а действует. Вся полнота жизни в разнообразии ее проявлений вмещается в «дивный дом в Трехпрудном...», который, кажется, способен совершать поступки, чувствовать и мыслить. Москва у поэта достигает такого предела, что выступает в роли наставника нравственного образца. Город приобретает все черты индивидуального лица.

Зимой 1915-1916 гг. Цветаева ненадолго приехала в Петербург. В отличие от департаментского Петербурга Москва жила раскидистее, вольнее и своевольнее. Петербург был фасадом империи, а Москва обжитой и уютной российской усадьбой, раскинувшейся на семи холмах, пестрой, звонкой, многоголосой. Ее родной город, в отличие от мраморно-гранитного неевского великолепия, как бы не строился, не возводился, а естественно произрастал из теплой земли, подобно дереву, усеянному золотыми яблоками куполов. Отношение к Петербургу было у Цветаевой отчужденно-уважительным, и если в ее душе просышалось чувство более теплое, чем уважение к очагу культуры, то лишь благодаря царственному местоприбыванию там Блока, Ахматовой. Обычно же Москву Цветаева недвусмысленно противопоставляла Петербургу. Если сам город с его европейскими прямыми улицами и домами – дворцами не слишком впечатлил Цветаеву, еще в 17-летнем возрасте повидавшую Париж, то она была очарована самим духом его, бессонными бдениями, наполненными чтением стихов, – так, во всяком случае, Цветаева, по своему мифотворческому сознанию воспринимала северную столицу. Эта поездка вызвала в душе Цветаевой реакцию некой ревнивой потребности самоутверждения и даже противопоставления себя поэту Москвы, себя – москвички и, наконец, самой Москвы – Петербургу и его поэтам. Ибо она и Москва были единым целым.

Царю Петру и вам, о царь, хвала!
Но выше вас, цари, колокола.
Пока они гремят из синевы,
Неоспоримо первенство Москвы...

Цветаева свою любовь к Москве – свидетелю людских драм и одновременно хранителю чего-то главного, что не исчезает с годами лихолетья, московскому отчужденному дому, родимому гнезду, спрятанному в каменной листве, пронесла через всю

жизнь – она ее не высказывала, не выпивала, а выкрикивала иступленно и яростно. Приезжим гостям она Москву дарила - как редчайший и драгоценный подарок.

Из рук моих – нерукотворный град
Прими, мой странный, мой прекрасный брат.

Все изменилось в феврале – марте семнадцатого. Светозарный и умиротворяющий, купавшийся в колокольном звоне, престольный город мрачен и немеет, впуская в себя грозные и неотвратимые события...

Где спесь твоя, княгинюшка?-Румянец,
Красавица? – Разумница,- где речь?-

Обращается поэт к Москве, как к живому существу, как к женщине, занемогшей, мучающейся, вызывающей сострадание, и вместе с Москвой содрогается от «рокота гражданских бурь», от «смерча и содома».

Но очень много написано было стихов в этой Москве первых лет революции: их автор продолжала жить, любить, негодовать, радоваться, страдать, надеяться...

Летом 1921 года, узнав, что ее муж остался жив после разгрома Белой армии, Цветаева бесповоротно решает ехать к нему. Москва осталась «за шпалами», далекая, невозможная, сновиденная. Уже много-много месяцев Цветаева на чужбине. И – внезапным приступом ностальгии – вырывается стихотворение:

...Точно жизнь мою угнали
По стальной версте –
В сиром мороке - две дали...
(Поклонись Москве!)

Эти поклоны Москве были постоянны – теперь уже главным образом в прозе: «Герой труда», «Мать и музыка», «Повесть о Сонечке», «Мой Пушкин», очерки об отце и его музее. В 1939 г. Цветаева возвращается из Франции, где жила последние годы эмиграции, в Москву. И здесь началась самая драматическая, хотя и короткая часть «романа» поэта с городом. В Москве, чьим воздухом только и могла дышать, куда страстно рвалась до боли, до бредовых видений, убегающих в Россию рельсов, по которым могла бы ползком, по шпалам, лишь бы в дом, - в Москве тоже почти не осталось ее жилищ: снесены, разгромлены войной, перестроены. И как многое вообще исчезло – Арбат, его милые переулочки, дома и домики, тупички, проходы и переходы. Исчезли пролетки, водовозы, шарманщики, трубочисты, уличные циркачи, исчезли с московских улиц привычные слуху звуки, разногласица речи, зазывные выкрики ремесленников, вместо всего этого – ровный, упорный машинный шум от тысяч и тысяч автомобилей и – нет колокольного звона, всегда висевшего над городом. Сколько же лет прошло? По цветаевскому счету – никак не меньше ста, может, и все пятьсот. Но дело было не в том, что Марине Ивановне оставалось жить всего два года с небольшим. Арест дочери и мужа, война, трагическая безысходность, которая привела Цветаеву к решению оборвать свою жизнь – все это предстояло. Драматизм с самого начала заключался в том, что в Москве для

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Цветаевой не оказалось места. Столица ее отвергла, не пускала. «И кто она такая, чтобы передо мной гордиться?» – с грустным юмором обмолвилась Марина Ивановна в одном письме. Вот маршрут цветаевских кочевий за это время: подмосковные Болшево и Голицино, затем чужие квартиры, где временно приходилось снимать комнаты. Так Цветаева встретила со своей третьей Москвой – с негостеприимной хозяйкой, выгонявшей из дома на улицу, из тепла и света в темень и холод.

По –видимому, Марина Ивановна в разговорах затрагивала болезненную тему: бездомность в родном городе, свое право на Москву. Задетая письмом, либо бестактно оброненными словами одной знакомой, она записала в свою тетрадь ответ ей. Вот отрывок: «Итак, я в порядке каждого уроженца Москвы имею на нее право, потому что я в ней родилась.

Что «я – то сама» дала Москве?

«Стихи о Москве» - «Москва, какой огромный странноприимный дом»... «У меня в Москве – купола горят»... «Купола - вокруг, облака - вокруг»... «Семь холмов – как семь колоколов». – много еще! – не помню, и помнить не мне. Я ведь не на одноименную мне станцию метро и не на памятную доску претендую (на доме, который снесен), - на письменный стол белого дерева, под которым пол, над которым потолок и вокруг которого четыре стены».

Так утверждалось единство поэта с городом. Эта была ее лазорь, из которой она черпала терпение, упорство и «семижилную гордость».

ЛИТЕРАТУРА

1. Белкин М. Скрещение судеб. –М., 1992.
2. Кудрова И. Версты, дали ... Марина Цветаева 1922-1939. – М., 1991.
3. Павловский А. Куст рябины. –М., 1989.
4. Михайлова С.Ю. О творчестве Марины Цветаевой // Начальная школа №10. – М., 1997.
5. Цветаева А.И. Воспоминания. –М., 1983.